

Гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання

УДК 930.1

М. И. Матюшевская

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО
В НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ
Г. П. ФЕДОТОВА**

Во введении указано, что статья посвящена изучению творческого наследия Г. П. Федотова – историка и публициста, вынужденно эмигрировавшего из России после событий Октября 1917 г. Целью работы является описание и последующий анализ историографических оценок, сделанных Г. П. Федотовым в эмигрантский период его творчества в отношении дореволюционной российской исторической науки рубежа XIX–XX вв. Для достижения поставленной цели предпринят анализ историографических оценок, сформулированных Г. П. Федотовым в работе «Россия Ключевского» (Париж, 1932), а также прослежена их эволюция на основе иных трудов ученого. Решение данной задачи в белорусской исторической науке выполнено впервые. В основной части перечислены черты творческого наследия В. О. Ключевского, которые Г. П. Федотов характеризует с положительной и отрицательной оценками. Отмечены выделенные Г. П. Федотовым социальные факторы, повлиявшие на становление научного мировоззрения В. О. Ключевского. Показана характеристика Г. П. Федотовым научного конфликта В. О. Ключевского с «социальным заказом» своей эпохи. Доказано, что представленная в статье «Россия Ключевского» оценка творческого наследия основателя московской школы историков не оставалась у Г. П. Федотова неизменной. В заключении сделан вывод о том, что на примере научной биографии Г. П. Федотова сегодня можно изучить трансформацию исторического сознания российских эмигрантов первой волны. Сформулированные Г. П. Федотовым историографические оценки дореволюционной российской исторической науки рубежа XIX–XX вв. сегодня создают проблемное поле для новых научных исследований: сравнительно-исторического анализа научной методологии и теоретических концепций московской школы историков и современных ей западноевропейских исторических школ; определения влияния московской школы историков на формирование национальных историографий в Украине и Беларуси.

Ключевые слова: российская историография, московская школа историков, украинская историография, историческая концепция, методология истории.

2016 г. отмечен в науке важной датой – 130-летием со дня рождения Георгия Петровича Федотова (1886–1951) – историка, богослова, философа, одного из самых известных публицистов русского зарубежья.

Теоретические труды, посвященные анализу научного творчества Г. П. Федотова, стали появляться еще при его жизни. В частности, его философским воззрениям дал оценку Н. А. Бердяев [1]. Однако основной пласт историографической литературы о Г. П. Федотове пришелся на 90-е гг. XX – начало XXI в. Вклад Г. П. Федотова в изучение средневековой культуры Руси рассмотрели А. И. Клибанов [2] и А. Мень [3]. Понимание Г. П. Федотовым особенностей социально-культурного развития дореволюционной России и СССР описал Ф. В. Бойков [4]. Тему философии истории Г. П. Федотова в своей статье затронул В. И. Повилайтис [5]. А. Ф. Киселев показал видение Г. П. Федотовым задач изучения российской истории [6]. Это далеко не полный перечень авторов, которые обратились к исследованию творческого наследия Г. П. Федотова. Современная историческая наука России демонстрирует постоянно возрастающий интерес ученых к данной проблематике.

Цель данной научной статьи – рассмотреть историографические оценки, сделанные Г. П. Федотовым в эмигрантский период творчества в отношении дореволюционной российской исторической науки рубежа XIX–XX вв. Для достижения поставленной цели в статье предпринят анализ историографических оценок, сформулированных Г. П. Федотовым

Матюшевская Мария Иосифовна, канд. ист. наук, доц., доц. каф. археологии и специальных исторических дисциплин МГУ им. А. А. Кулешова (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь; e-mail: Marija211170@yandex.ru

в статье «Россия Ключевского» (Париж, 1932), а также прослежена их эволюция на основе иных трудов ученого.

Предмет исследования статьи – научно-публицистическая оценка Г. П. Федотовым творческого наследия В. О. Ключевского. Использование дефиниции «научно-публицистическая оценка» в отношении сочинений Г. П. Федотова в данном случае оправдано тем, что анализируемые в статье работы по форме написаны как публицистические произведения. Они были рассчитаны на широкий круг образованных читателей – российскую интеллигенцию, находившуюся в эмиграции. В этих работах отсутствуют научные ссылки и справочный аппарат. Подача материала эмоциональна. Г. П. Федотов отвечает в первую очередь на актуальные вопросы социальной жизни современности и ставит своей задачей убедить читателя в истинности своих суждений методами публицистической литературы. Вместе с тем в содержательной части статей Г. П. Федотов предстает перед читателем как глубокий аналитик и профессиональный ученый. Такой симбиоз научного и публицистического подходов к исследованию – отличительная и очень яркая черта стиля Г. П. Федотова. Она роднит его сочинения с проповедью.

Статья «Россия Ключевского» была написана Г. П. Федотовым в честь пятидесятилетия выхода в свет «Боярской Думы» – докторской диссертации знаменитого московского профессора. В ней Г. П. Федотов дает высокую оценку данному произведению и всего научного творчества В. О. Ключевского: «В «Боярской Думе» заключены уже идеи всего знаменитого курса, который студенты Московского университета могли слушать с 1879 года. С этих пор схема Ключевского царствует почти неограниченно. Это не одна из многих, а единственная Русская История, на которой воспитаны два поколения русских людей» [7, с. 329].

Г. П. Федотов утверждает: «Для поколения начала XX в. Ключевский был еще современным, передовым. Его история удовлетворяла не только художественным, но и социологическим потребностям русского интеллигентного читателя времен первой революции. Это значит, что Ключевский, как всякий большой человек, во многом упредил свое время – был начинателем, а не завершителем эпохи» [7, с. 331].

По оценке Г. П. Федотова, важнейшей заслугой В. О. Ключевского является создание им канонизированной схемы русской национальной истории. До него первый национальный образ России в стиле ампира был создан Н. М. Карамзиным – поэтом Российской империи на вершине ее славы. Его схема была подвергнута критике уже в 1820-е гг. и окончательно ушла в прошлое с крушением николаевской России.

В 60-е гг. XIX в. схема русской истории отсутствовала: «Соловьёв писал для специалистов; его история не стала национальной. Костомаров не имел достаточно силы, чтобы стать новым, революционным Карамзиным. Шестидесятники охотно заменяли историю этнографией. На месте былого форума образовалось пустое место, «коровий выгон» (campo vachino). Здесь легко слагались пародии: писалась «История города Глупова»» [7, с. 330].

Схема русской истории В. О. Ключевского заполнила образовавшийся научный пробел. Она качественно отличалась от предыдущей господствующей схемы и всей российской историографии первой половины XIX в. Политической теме государства В. О. Ключевский противопоставил историю классов – социальную историю России.

Внимание В. О. Ключевского было приковано к истории правящих и трудящихся классов. Он одухотворил социальную историю: «Под его пером она утрачивает свой схематизм, становится выражением конкретной человеческой личности. Социальная история превращается в социальную характерологию» [7, с. 342, 343].

В. О. Ключевский создал блестящие портреты исторических деятелей – Ивана Грозного, Алексея Михайловича. Еще более удачны у него коллективные социальные портреты: древнерусского князя, великорусского земледельца, московского боярина и служилого человека. Г. П. Федотов полагает, что эти социальные портреты являются наиболее значимой частью творческого наследия В. О. Ключевского: «Их не коснется переоценка социальных схем и принципов исторического построения» [7, с. 343].

При создании социальных портретов людей прошлого В. О. Ключевский раскрылся как художник. Это сгладило в нем шероховатости социолога, скрыло острые углы его схемы. Г. П. Федотов высоко оценивает художественный талант ученого: «В обращении со словом Ключевский может найти себе равных только среди символистов XX столетия, при всем различии их художественных средств... Классическая школа – в семинарии и университете, – которую Ключевский впитал в себя как наследие классического века, – отлило природную одаренность пензенского бурсака в чекан Вергилия» [7, с. 334].

Еще одна заслуга В. О. Ключевского – экономизм его исторической теории. По оценке Г. П. Федотова, «специальные его работы делают Ключевского основателем экономической истории России. Весь курс его дает начало историческому экономизму как особому и очень влиятельному именно в России историческому направлению» [7, с. 338]. Здесь у В. О. Ключевского было много последователей: «...если в России исторический материализм нашел для себя сравнительно благоприятную почву, то это потому, что она была подготовлена для него Ключевским» [7, с. 346, 347].

Г. П. Федотов подчеркивает отличия экономизма В. О. Ключевского от современной ему западноевропейской историко-экономической школы (Родбертус, Инама-Штернегг, Роджерс) и марксистов: «Ключевский подходит к историческим явлениям с такой теплотой, с такой бытовой и нравственной сраженностью с изображаемым миром, которые далеко выходят за пределы нормального отношения исследователя к своим «источникам»... Задолго до Макса Вебера Ключевский, не теоретизируя, нащупал религиозно-психологические основы хозяйства... Думается, что здесь Ключевский руководился бессознательно родовым опытом русского духовенства... Вот почему экономизм Ключевского, в отличие от западной науки, связан не с юридическими формами хозяйства и не с техникой (как в марксизме), а с бытом и нравственными основами жизни» [7, с. 339].

Рассуждая о причинах формирования особенностей исторической теории В. О. Ключевского, Г. П. Федотов обращает внимание не только на факт его происхождения из семьи сельского священника. Г. П. Федотов утверждает, что В. О. Ключевский – «шестидесятник». «Ключевский-народник сам признается нам, что все его общественное миросозерцание определилось под знаком 19 февраля 1861 года: из памяти о недавней крепостнической неволе и из размышлений о ней» [7, с. 332].

По мнению Г. П. Федотова, 60-е гг. XIX в. оставили печальный след в истории русской философской мысли и русского слова. Эта эпоха была скорее разрушительной, чем созидательной. Она характеризуется реализмом и народничеством: «Реализм в понимании того времени – это антиидеализм, возвращение на землю («природа не храм, а мастерская»), к низшим, натуральным сферам жизни: к материи, к физиологии, к экономике, к этнографии. Народничество, не в революционном, а в широком смысле слова, – как бы социальная транскрипция того же натурализма: глубокий интерес и сочувствие к жизни низших классов (крестьянства) – принесение в жертву им культурной утонченности и сложности... Нетрудно видеть, что обе эти черты неизгладимы в облике Ключевского» [7, с. 331].

Г. П. Федотов пишет, что В. О. Ключевский – реалист. Он враг созерцательно-богословского и философского видения истории, хочет изучать «анатомию» и «физиологию» общественной жизни. Своим развенчанием героев, едкой усмешкой и иронией он напоминает нигилиста. Однако В. О. Ключевский пошел дальше народничества 1860–1870-х гг. Он не радикал. О его политических убеждениях говорить чрезвычайно трудно, как и о его религиозных взглядах: «Ключевского считали своим люди самых противоположных воззрений... Ключевский был слишком сложен, чтобы вложиться в направление» [7, с. 333].

Г. П. Федотов отмечает конфликт В. О. Ключевского с «социальным заказом» своей эпохи. Он говорит о том, что ученый испытал на себе влияние новой науки – социологии, которая складывалась в 1870-х гг. на Западе и в России и притязала на универсальность научного знания. В. О. Ключевский «чувствовал себя обязанным оправдывать свою историческую работу перед судом Социологии... Историк в Ключевском был терроризирован социологией и делал вид, что принимает ее социальный заказ» [7, с. 340, 341].

Г. П. Федотов сравнивает лекционный курс В. О. Ключевского со знаменитым лекционным курсом Ф. Гизо, прослушанным С. М. Соловьёвым, и делает вывод, что внимание Ф. Гизо было равномерно распределено между социальной и духовной культурой, правом и государственным развитием, наукой и религией. В. О. Ключевский – автор диссертации о «Русских житиях святых», многочисленных рецензий, речей и афоризмов, в которых он доказывал свой пристальный интерес к изучению русской духовной культуры, – в своем курсе лекций избегал данной темы.

Г. П. Федотов объяснял данный парадокс так: «...для экономической или иной материалистической интерпретации духовной культуры Ключевский обладал слишком большой трезвостью и вкусом. Идеалистическая же социология возвращала назад к Гегелю, к его диалектике и «богословию», от которых Ключевский отталкивался. Будучи не в силах дать иное, кроме описательного, «идеографического», изображения духовной жизни, и не желая портить строгости эволюционных линий своего процесса иррациональностью голых культурных фактов, Ключевский отказался от половины своей темы» [7, с. 341]. В этом отказе Г. П. Федотов видел основную причину иронии В. О. Ключевского как бытописателя и портретиста. Он указывал на то, что «ирония возникает почти неизбежно там, где ум живет не в ладу с сердцем» [7, с. 344].

Г. П. Федотов подсчитал плюсы и минусы научной исторической концепции В. О. Ключевского. К его теоретическим находкам он отнес: «1) характеристику смены различных слоев московского боярства и служилого класса...; 2) очерк монастырской колонизации Русского Севера...; 3) блестящее воссоздание хозяйственно-социального быта удельных столетий (XIII–XV) русской жизни, русского «средневековья»... Вместе с Ключевским впервые два века русской истории, от татарского завоевания до Ивана III, заполняются определенным социальным содержанием... Он показал, как в хозяйственной страде здесь складывался великорусский характер» [7, с. 344].

Минусы научной исторической концепции В. О. Ключевского, в понимании Г. П. Федотова, были таковы: 1) «открытие им торговой Киевской Руси... Не то чтобы оно было опровергнуто новыми фактами и открытиями. Но оно осталось неподтвержденным, как гипотеза, облеченная в художественные краски, но лишенная исторической плоти. Пренебрежение Ключевского к археологии и лингвистике, игнорирование им племенного быта... заставляет теперь по-новому, из новых материалов строить первые столетия русской истории... 2) резкость отрыва великорусского периода нашей истории от киевского. Получается впечатление создания новой жизни на новом месте с полным уничтожением старых государственных форм. В школе Грушевского эта мысль Ключевского получила парадоксальное противопоставление двух независимых национальных процессов: русского и «украинского». 3) Игнорирование Ключевским судеб Литовской Руси и Украины, тоже как бы выделяющее половину Руси из русского исторического процесса. 4) Отсутствие изображения колонизации, государственного роста и внешней политики России. 5) Карикатурность изображения XVIII в., вытекающую из нечувствия Империи...» [7, с. 345].

Главную причину данных пробелов В. О. Ключевского Г. П. Федотов видел в его отказе «от традиции сороковых годов: от государства, исторической личности и национальной идеи» [7, с. 345]. В первой половине XIX в. эти основные понятия гегельянства развивали российские западники – историки-юристы (идеи государства и исторической личности), а также славянофилы (национальная идея) [7, с. 335]. По мнению Г. П. Федотова, «размежевание с юристами оставило в русской истории и другой след: слабость формально-логической структуры, нечеткость исторических понятий. Напрасно пытались находить у Ключевского эту четкость. Не следует смешивать меткости и силы художественных описаний с точностью определений. Образ не заменяет понятия» [7, с. 336].

Тем не менее, выделяя слабые места исторической концепции В. О. Ключевского, Г. П. Федотов отмечает: «Школа Ключевского до самой революции безраздельно господствовала в России... Эта школа насчитывает десятки имен; к ней, в сущности, относятся все московские и петербургские историки последних десятилетий. Вне ее стоят лишь некоторые провинциалы: киевляне, харьковцы...» [7, с. 344–346].

Г. П. Федотов пишет: «Творческие петербургские силы идут в ногу с москвичами, разрабатывая темы Ключевского. Более всего посчастливилось теме московского служилого

класса (Готье, Платонов, Рождественский). Усердно изучалась экономическая история – в связи с социально-административным строем (Милюков, Веселовский, Богословский, Греков, Заозерский). Павлов-Сильванский углубился в средневековую Русь с идеями западноевропейского феодализма. Менее всего, быть может, посчастливилось чистой экономической теории (Довнар-Запольский), которая стоит еще в начале своей научной разработки. Но классовая и социальная история в духе и даже догме марксизма представлена в школе Ключевского необычайно богато. Ключевский сам приветствовал первые экономические работы своего ученика Рожкова. Покровский, научная карьера которого не удалась, блеснул лишь несколькими талантливыми статьями. Свою «школу» он создал лишь теперь, в условиях, свободных от конкуренции...» [7, с. 346].

По оценке Г. П. Федотова, оппозиция В. О. Ключевскому в его школе проявилась только в одном направлении – изучении темы государства. Очагом этой оппозиции был Петербург – «город Империи, город западников, где историки ближе, чем в Москве, стояли к юристам (Сергеевич), старым врагам Ключевского» [7, с. 347]. Оппозиция была сильна в рядах молодежи. Ее главой был «Пресняков, талантливый, но парадоксальный, который в двух своих больших работах шел вразрез с Ключевским, подчеркивая государственную роль княжеской власти в Киевской и удельной Руси» [7, с. 347]. Однако, застигнутая Первой мировой войной и революцией, данная оппозиция не успела создать своего научного направления.

Внимание В. О. Ключевского к изучению только великорусской истории вызвало к жизни «исследования западнолитовской и южноукраинской Руси (работы Лаппо и Любавского, Грушевского и его школы, Багалея и др.). Однако эти исследования не только не вошли органически в состав русской историографии, но привели к образованию «национальной» украинской школы, более всех других явлений молодой украинской культуры грозящей распадом общерусского сознания» [7, с. 347].

Накануне Первой мировой войны российское общество стало испытывать потребность в создании научной международной истории России. «В годы революции эту потребность с большой силой выразил Виппер: историк-империалист, который в своем «Иване Грозном» показал русским историкам, при всеобщем одобрении с их стороны, какое новое освещение могут получить русские исторические темы со стороны международной политики» [7, с. 347].

Такое заполнение лакун, оставленных В. О. Ключевским, для Г. П. Федотова означало, что в начале XX в. в России обозначилась трагическая проблема кризиса ее государственности. Поэтому научная историческая мысль стала углубляться в проблему государства и его носителей. В этом процессе Г. П. Федотов видел «возвращение к Соловьёву, обогащенное всем социальным опытом и школы, и жизни» [7, с. 347].

Г. П. Федотов отмечал: «... другой огромный провал Ключевского до самой революции так и не дошел до сознания представителей русской исторической науки. Русские историки, в огромном большинстве своем, чуждались проблем духовной культуры. Проблемы эти разрабатывались представителями специальных дисциплин: историками литературы, Церкви, искусства. До сих пор никто еще не попытался учесть огромный накопившийся материал специальных исследований для постановки общих вопросов древнерусской культуры... Русская историография оставалась и остается, конечно, наибольшей «материалисткой» в семье Клио» [7, с. 347, 348].

Г. П. Федотов был убежден, что революционные катаклизмы в России начала XX в. еще в большей степени, чем кризис государства, продемонстрировали кризис русского сознания. Он заключал: «Мысль возвращается к проблематике сороковых годов, к переоценке вечного спора между западниками и славянофилами: о содержании и смысле древнерусской культуры, о ее всемирно-историческом «месте». Но образованный читатель, который обращается теперь за решением этих вопросов к классикам русской исторической науки, остается без ответа. В школе Ключевского он не узнает, чем была жива Россия и для чего жила... Но только решив ее загадку или по крайней мере став на пути, ведущем к ее решению, русская интеллигенция может плодотворно участвовать в деле духовного возрождения родины... Наше поколение стоит перед повелительной необходимостью прорваться из магического круга Ключевского, из его «местной», тесной, социальной, бытовой темы, и выйти в мировые просторы сороковых годов» [7, с. 348].

Представленная в статье «Россия Ключевского» оценка творческого наследия основателя московской школы историков не оставалась у Г. П. Федотова неизменной. До 1932 г. – времени выхода в свет данной статьи – историографическая проблематика частично была им поднята в статье «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926). В ней Г. П. Федотов охарактеризовал В. О. Ключевского как почвенника, который укоренен в русском народном быте и исторической традиции. Беспочвенность в культуре также была описана Г. П. Федотовым с помощью трудов В. О. Ключевского: «У нас обрусение германцев шло еще быстрее, чем на Западе их романизация, да и насильственный характер варяжских экспедиций на Руси не столь резко выражен, подчас даже спорен: создал же Ключевский в духе начальной легенды русской летописи схему князей-охранников, наемных сторожей на службе городских республик» [8, с. 72].

Качественно новое понимание российской историографии рубежа XIX–XX вв. Г. П. Федотов продемонстрировал в статье «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947). В этой итоговой, написанной на склоне своего жизненного пути работе он еще раз подчеркнул мысль: «В курсе Ключевского нельзя было найти истории создания и роста Империи» [9, с. 317]. Однако теперь данную историографическую проблему Г. П. Федотов рассматривал с культурологической точки зрения. Сделанные им выводы во многих теоретических положениях опровергали его собственные заключения, сформулированные в начале 1930-х гг.

В статье «Судьба империй» Г. П. Федотов выстраивал следующую логическую цепочку рассуждений: «XIX век для большинства интеллигенции означал сужение национального сознания до пределов Великороссии... Почти все нужные исследования в области национальных и имперских проблем оказались предоставленными историкам националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности. Эта схема вошла в официальные учебники, презираемые, но поневоле затверженные и не встречавшие коррективы... Так укоренилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от всех государств Запада, строилось не насилем, а мирной экспансией, не завоеванием, а колонизацией. Подобное убеждение свойственно националистам всех народов» [9, с. 316–318].

Рассуждая об особенностях национализма и имперского сознания в дореволюционной России, Г. П. Федотов особое внимание уделил Украине и украинской историографии. Вопреки своим работам 1920–1930-х гг. он признал Грушевского создателем научного украинского языка, а затем – и украинской нации [9, с. 321].

Эволюция научных воззрений Г. П. Федотова в 1930–1940-х гг. была связана с его переходом к анализу причин и итогов Второй мировой войны, с ростом внимания к геополитической проблематике исследований и составляющих ее вопросов духовного развития общества, с окончательным теоретическим оформлением концепции «русского христианства». Изучение этапов данной эволюции мировоззрения Г. П. Федотова – интересный опыт микроистории. На примере научной биографии одного ученого он позволяет увидеть трансформацию исторического сознания большой социальной группы российских эмигрантов первой волны – тех, для кого писал свои научно-публицистические труды Г. П. Федотов, кто соглашался или дискутировал с ним.

Сегодня интересны также историографические оценки, сделанные Г. П. Федотовым. Они демонстрируют нам мнение очевидца и участника событий российской истории рубежа XIX–XX вв., профессионального ученого, который анализировал уровень развития современной ему отечественной и зарубежной науки и сам разрабатывал ее актуальные темы.

В изучении творческого наследия В. О. Ключевского, его коллег и оппонентов второй половины XIX – начала XX в. современная историческая наука накопила большой теоретический потенциал. Он позволяет более глубоко, чем это сделано у Г. П. Федотова, охарактеризовать эпоху позитивизма в России, описать методологию научного творчества ее ученых, оценить исследовательский уровень сформулированных ими научных концепций российской и всемирной истории. На сегодняшний день в этой области историографического изучения научная библиография огромна.

В частности, в отечественной науке по данной проблематике выделяются труды историков Гродненского государственного университета имени Янки Купалы – А. Н. Нечухрина

и Т. Т. Кручковского. А. Н. Нечухрин рассмотрел основные элементы позитивистской парадигмы истории и пришел к заключению, что В. О. Ключевский «отмечал подход Тэна к вопросу о формировании истории как науки и развивал в этом же направлении собственный взгляд» [10, с. 14]. А. Н. Нечухрин подчеркнул также, что прочитанный В. О. Ключевским в середине 80-х гг. XIX в. курс по методологии истории – явление весьма неординарное для России, и здесь ученый во многом выступал как первооткрыватель.

Т. Т. Кручковский рассмотрел историю Польши в исторической концепции В. О. Ключевского. Т. Т. Кручковский заключил, что В. О. Ключевский впервые в русской науке признал влияние на Россию польской модели общественно-политического развития. Ученый отметил, что в современной науке продолжается дискуссия о критериях в соотношении ряда понятий: «историографическая школа», «школа В. О. Ключевского» и др. [11].

Таким образом, современные исследователи подтверждают актуальность и дискуссионность историографической проблематики, которую затронул в своих статьях Г. П. Федотов. Насколько на сегодняшний день его историографическая концепция может считаться объективной и истинной – вопрос не менее спорный. Однако при изучении трудов Г. П. Федотова очевиден факт: сделанные им историографические оценки дореволюционной российской исторической науки рубежа XIX–XX вв. сегодня создают проблемное поле для новых научных исследований. До сих пор в науке не представлен комплексный сравнительно-исторический анализ научной методологии и теоретических концепций московской школы историков и современных ей западноевропейских исторических школ, не определена степень влияния московской школы историков на формирование национальных историографий в Украине и Беларуси. Заслуга Г. П. Федотова как историка заключается в постановке данных научных проблем. Высказанные им историографические оценки – важная теоретическая часть множества современных версий их решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести [Электронный ресурс] / Н. Бердяев // Библиотека «Вехи». – 2001. – Режим доступа : <http://www.vchi.net/fedotov/index.html>. – Дата доступа : 07.02.2015.
2. Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 368 с.
3. Мень, А. Георгий Федотов [Электронный ресурс] / А. Мень // Библиотека «Вехи». – 2001. – Режим доступа : <http://www.vchi.net/fedotov/index.html>. – Дата доступа : 07.02.2015.
4. Бойков, Ф. В. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) / Ф. В. Бойков // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб. : София, 1991. – Т. 1. – С. 3–38.
5. Повилайтис, В. И. Философия истории в трудах историков русского зарубежья: Л. Карсавин, П. Бицилли, Г. Федотов, Г. Флоровский / В. И. Повилайтис // Философские науки. – 2007. – № 11. – С. 68–80.
6. Киселёв, А. Ф. Г. П. Федотов о задачах изучения российской истории / А. Ф. Киселёв // Высшее образование сегодня. – 2013. – № 6. – С. 20–24.
7. Федотов, Г. П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб. : София, 1991. – Т. 1. – С. 329–349.
8. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб. : София, 1991. – Т. 1. – С. 66–101.
9. Федотов, Г. П. Судьба империй // Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – СПб. : София, 1991. – Т. 2. – С. 304–327.
10. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) : монография / А. Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 349 с.
11. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2014. – № 3 (183). – С. 53–66.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
 Vol. 8, No. 2, 2016, pp. 71–78
 © Yanka Kupala State University of Grodno, 2016

The artistic legacy of V. Kliuchevski in scientific and journalistic assessment of G. Fedotov

M. I. Matiushevskaya

Mogilev State A. Kuleshov University (Belarus)

Kosmonavtov St., 1, 212022, Mogilev, Belarus; e-mail: Marija211170@yandex.ru

Abstract. The introduction states that the article is devoted to the study of the artistic legacy of G. Fedotov – a historian and journalist who was forced to emigrate from Russia after the events of October 1917. The aim of the article is description and subsequent analysis of the historiographical estimates made by G. Fedotov in emigrant period of his work in relation to the pre-revolutionary Russian historiography of the 19th–20th centuries. The historiographical analysis based on assessments formulated by G. Fedotov in “Russia of Kliuchevski” (Paris, 1932) was undertaken to achieve this aim, and traced its evolution on the basis of certain works of the scientist. The solution to this problem in the Belarusian historical science is performed for the first time. In the main part the features of the artistic legacy of V. Kliuchevski that G. Fedotov describes as positive and negative evaluation are listed. Allocated by G. Fedotov social factors that influenced the formation of a scientific outlook of V. Kliuchevski are noted. The characteristics of G. Fedotov scientific conflict of V. Kliuchevski with the “social order” of his era is shown. It is proved that presented in the article “Russia of Kliuchevski” evaluation of the artistic legacy of the founder of the Moscow school of historians did not stay unchanged at G. Fedotov. Finally, it was concluded that the example of the scientific biography of G. Fedotov today allows to study the transformation of historical consciousness of Russian emigrants of the first wave. Formulated by G. Fedotov historiographical assessments of the pre-revolutionary Russian historiography in the 19th–20th centuries today pose the problem field for new research: a comparative historical analysis of scientific methodology and theoretical concepts of the Moscow school of historians and modern Western historical schools; determine the effect of the Moscow school of historians on the formation of national historiography in Ukraine and Belarus.

Keywords: Russian historiography, Moscow school of historians, Ukrainian historiography, historical concept, methodology of history.

References

1. Berdiaev N. Does Orthodoxy have freedom of thought and conscience [*Sushchestvuet li v pravoslavii svoboda mysli i sovesti*]. *Biblioteka “Vekhi”*, 2001 [Electronic resource].
2. Klibanov A. I. Spiritual culture of medieval Russia [*Dukhovnaia kul'tura srednevekovoii Rusi*]. Moscow, 1996, 368 p.
3. Men A. George Fedotov [*Georgii Fedotov*]. *Biblioteka “Vekhi”*, 2001 [Electronic resource].
4. Boikov F. V. The fate and the sins of Russia (philosophical and historical journalism G. P. Fedotov) [*Sud'ba i grekhi Rossii (filosofsko-istoricheskaiia publitsistika G. P. Fedotova)*]. Fedotov G. P. The fate and the sins of Russia: Selected Articles on the philosophy of Russian history and culture [*Fedotov G. P. Sud'ba i grekhi Rossii : izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury*]. St. Petersburg, 1991, vol. 1, pp. 3-38.
5. Povilaitis V. I. The philosophy of history in the works of Russian historians abroad: L. Karsavin, P. Bitsilli, G. Fedotov, G. Florovski [*Filosofia istorii v trudakh istorikov russkogo zarubezh'ia: L. Karsavin, P. Bitsilli, G. Fedotov, G. Florovskii*]. *Filosovskie nauki*, 2007, No. 11, pp. 68-80.
6. Kiselev A. F. G. P. Fedotov on the tasks of studying Russian history [*G. P. Fedotov o zadachakh izucheniia rossiiskoi istorii*]. *Vyshee obrazovanie segodnia*, 2013, No. 6, pp. 20-24.
7. Fedotov G. P. Russia of Kliuchevski [*Rossiiia Kliuchevskogo*]. The fate and the sins of Russia: Selected Articles on the philosophy of Russian history and culture [*Sud'ba i grekhi Rossii : izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury : v 2 t.*]; comp. V. F. Boikov. St. Petersburg, 1991, vol. 1, pp. 329-349.
8. Fedotov G. P. The tragedy of intellectuals [*Tragediia intelligentsii*]. The fate and the sins of Russia: Selected Articles on the philosophy of Russian history and culture [*Sud'ba i grekhi Rossii : izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury : v 2 t.*]; comp. V. F. Boikov. St. Petersburg, 1991, vol. 1, pp. 66-101.
9. Fedotov G. P. The fate of empires [*Sud'ba imperii*]. The fate and the sins of Russia: Selected Articles on the philosophy of Russian history and culture [*Sud'ba i grekhi Rossii : izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury : v 2 t.*]; comp. V. F. Boikov. St. Petersburg, 1991, vol. 2, pp. 304-327.
10. Nechukhrin A. N. Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80s of the 19th century - 1917) [*Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossiiskoi pozitivistskoi istoriografii (80-e gg. XIX v. - 1917 g.) : monografiia*]. Grodno, 2003, 349 p.
11. Kruchkovski T. T. History of Poland in the historic concept of Kliuchevski [*Istoriia Pol'shi v istoricheskoi kontseptsii V. O. Kliuchevskogo*]. *Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhavnaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Historyia i Arkhealohiia. Filasofia. Palitalohiia*, 2014, No. 3 (183), pp. 53-66.